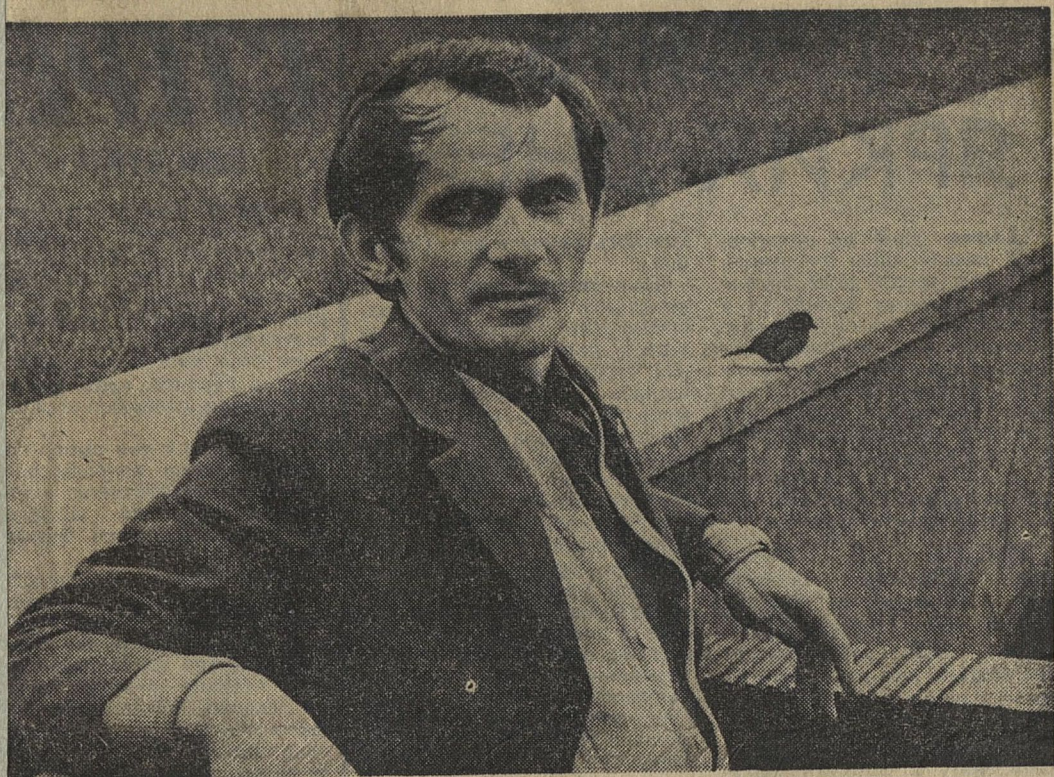

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

ЕСЛИ Б КАМНИ МОГЛИ ГОВОРИТЬ

«Спадчына» — это белорусское слово не переводится. Оно и не нуждается в переводе: его содержание, пафос раскрыл в своей песне «Спадчына» композитор Игорь Лученко. Глубокая мысль, неподдельное душевное волнение, строгая сдержанность отличают ее. «Для меня эта песня является программной», — говорит автор. — Спадчына — это наследие прошлого, это настоящее, это будущее. Потому что наследие, полученное нами от отцов, мы должны передать будущим поколениям».

Игоря Лученку можно сравнить с бойцом. Он вооружен талантом музыканта, острым чувством гражданина и еще важнейшим свойством, которое композитор так характеризует: «Не только композитор и поэт сочиняют песню. Соавторами являются исполнители, оркестр, наконец, слушатели. И если хоть одно звено сфальшивит, песня может не получиться».

Не сфальшивит — помнить об ответственной пропагандистской и воспитательной роли песни, не уступать дилетантским настроениям, беззастенчиво прорывающимся в сферу жанра. Упорная и чаще всего радующая результатами работа Игоря Лученка направлена к этой высокой цели.

В том, что он пишет, — в инструментальных циклах, кантатах, хорах, — нет ощущения благополучной устроенности, творческой инертности. Тут все в движении, в поисках новых тем и нового материала, правда, порой противоречиво сталкиваются интересные находки и досадные повторы. Однако с годами более строгим становится вкус, пронзительнее художественное чутье музыканта. Далеко не все, что было написано им, недавним выпускником Белорусской консерватории, сегодня удовлетворяет автора. «Нет смысла это редактировать, надо писать заново», — говорит тогда он. И снова поиск, снова работа, работа и работа.

В музыке Лученка есть чуткое ощущение «сиюминутной» реальности — и в клочущих ритмах виртуозной фортепианной сонаты, и в написанных к открытию мемориалов в Бресте и в Хатыни песнях «Если б камни могли говорить» и «Хатынь».

Хрупкий, застенчивый, несколько угловатый, скованный в движениях, он при общении со слушателем словно преображается, излучая большую жизненную энергию. Быть в гуще людей, быть нужным им — естественная потребность Лученка — человека и музыканта.

Наверное, поэтому он так непоседлив: застать его на месте просто невозможно. Он то у строителей нового города где-нибудь на Полесье или в селе. А завтра уже летит на Дальний Восток в гости к морякам. Встречи, концерты, беседы со слушателями... Как много они отнимают времени, но без этого композитор просто не представляет себе творчества: они дают впечатления, они мощный заряд для будущих замыслов.

И еще не представляет Игорь своей жизни без небольшого белорусского городка Марьино Горка, «откуда есть пошел» он как человек и как композитор. Здесь отец, артист передвижного народного театра «Голубка», учил его игре на цимбалах, и отсюда вышел он в волнующий мир искусства. Каждая пядь земли близка и знакома ему в родной Марьино Горке. И, видно, от зеленых дубов и лугов, от неяркого неба над полями пришла в его песню та лирическая интонация, которую так полюбил слушатель.

Однако своеобразие творческой индивидуальности композитора не только в природном лирическом даровании и глубочайшей потребности высказать свое сердечное волнение в привольно льющейся мелодии. Своеобразие — в выразительном сочетании волевого напора, импульсивности с доверительностью, интимной простотой речи; в обостренном чувстве

Т. ЩЕРБАКОВА,
кандидат
искусствоведения

времени и постоянном ощущении родной почвы.

Успех композитора... Он пришел к нему в середине шестидесяти годов именно с песней. Сейчас Игорю Лученку 34 года. И каждая новая удача — результат кропотливого труда, отбора, шлифовки деталей. Не сфальшивит! Стремление к предельной искренности, к глубокой гражданственности, к заразной силе музыкального образа сделало одну из новых работ И. Лученка — песню «Спадчына» — заметным явлением в советской музыке. Патристических сочинений у Лученка немало. Но у «Спадчыны» неповторимое лицо. Это во многом определяется поэтической красотой стихов Янки Купалы и нестандартностью музыкального решения песни. Эпос «Спадчыны» лишен ложной патетики. Столь близкая Лученку проникновенность исповедывающего тона органична и естественно переплелась здесь с элементами народного сказа: «Ад прадзедаў спаконы вякоу мне засталася спадчына...» Напев трогательно нежен и пленителен бесхитростной деревенской красотой. То слышится голос крестьянского рожка, то широкий песенный распев, то бытовая интонация.

Одна из примет современного в творчестве этого автора — «выходы» из круга сильных художественных влияний. Нужно ли говорить, как порой трудны для молодого музыканта подобные «выходы». Как магически влиятельна, например, закрепленная мастерами высокая традиция патристической песни В. Соловьева-Седого, И. Дунаевского, С. Туликова! Художественно ярка лирико-эпическая ветвь и белорусской песни о Родине послевоенных лет (например, «Песня про Неман» Н. Соколовского, «Радзіма мая, да рага» В. Оловникова). В русле этой традиции выполнена одна из новых песен И. Лученка — «Родина» (слова Л. Ошанина). «В радуге, в снегу, в дожде, в росе ты, земля, такая же, как все...» — крутыми изгибами разворачивается величавая мелодия, фанфарами и звонкими «колокольными» всплесками аккордов фортепиано поддержана она.

Редкое разнообразие красок, заставляющее вспомнить белорусский песенный фольклор, присущее письму этого композитора. К примеру, раздольная мелодия в песне «Тебе, Беларусь», сменяющаяся словно журчащими интонациями и в вокальной строке, и в подголосках аккомпанемента. Голосами печальных зовов, жалоб звучит народный напев в «Хатыни», звенит, будто сплетенный из интонаций птичьих кличей и щебета, ажурный аккомпанемент в лирическом вальсе «Журавли на Полесье летят».

Характерно, что настойчиво проникающее сегодня в различные жанровые сферы песни лирическое начало у Лученка все чаще обнаруживается во взаимодействии ес-

тественной певучести и «выведенного» на первый план четкого ритмического пульса. Наверное, поэтому, к примеру, наполненная затаенным волнением «Верасы» («Вереск») приобретает мужественно патетический характер благодаря напряженным, пружинящим аккордам фортепиано. Необычно сочетание вальсовой пластики и изысканного танцевального «бит»-ритма в просветленной, по-юношески грациозной лирической песне «Я приду». Можно было бы перечислять еще и еще произведения, выявляющие самобытность таланта Игоря Лученка, его сугубо индивидуальный подход к фольклору и умение претворять его в современном ключе. Почерпнутое им из народной сокровищницы не ограничивается национальными межками и не измеряется только категориями искусства. Композитору близок социальный аспект патристических тем. Его интерес — живая история Советского государства. Ощущениями крепчайшей связи времен живет в мечтах и в борьбе герой песен Лученка.

Вероятно, первые штрихи портрета воина-защитника и победителя — его любимого героя запечатлелись в детской памяти в тяжелые годы эвакуации, разрухи в только что освобожденной от фашистов Белоруссии. С грохотом движутся танковые колонны, суровы лица солдат. И навсегда запомнились песни тех лет, которые он пел вместе с солдатами, подбирая мелодии на цимбалах, баяне. Не потому ли его первая серьезная удача — выразительная драматическая баллада о воинах, победивших смерть, «Память сердца» (слова М. Ясеня), удостоенная премии на Всесоюзном песенном конкурсе в 1966 году?

Рядом с образами мужественных ветеранов в песнях Лученка — его молодые современники. Тогда же, в 1966 году, возникли «Комсомольская юность», «Стоят на рейде наши бригадинцы», открывшие в музыке композитора русло комсомольской песни.

Вместе с героями песен, своими друзьями и сверстниками, Лученко все время в гуще жизни — на слетах молодежи, в походах по местам боевой и трудовой славы отцов. Так появляются «Красные звезды», «Комсомольские ордена», «Верны мы памяти отцов», «Старая буденка». Где только не пел эти песни сам Лученко — в казарме и на полевом стане, в концертном зале и на улице! За роялем, с баяном, с аккордеоном вместе с певцами В. Кучинским, А. Подгайским, В. Вуявичем композитор пропагандировал советскую песню в лагере дружбы молодежи в Польше и среди крестьян Чехословакии, на встречах с творческой интеллигенцией Болгарии и на вечерах солидарности с трудовой молодежью Англии, Шотландии, у рабочих Кубы и Чили, у летчиков ГДР и на Олимпийских играх в Мюнхене.

Он выходил на концертную эстраду и со своей песней, и со знаменитой блантеровской «Катюшей», и с песнями А. Пахмутовой, выходил, словно в бой, остро чувствуя напряженный пульс классовой борьбы. Тем важнее, насущнее становилась задача найти художественно убедительный сплав традиций революционной песенности, музыкальной героики военных лет и современной звучащей среды. О результатах говорят успехи И. Лученка на всесоюзных конкурсах, на смотрах политической песни под девизом «Юность обличает империализм!».

Растет интерес широкой слушательской аудитории к песням молодого композитора. Конечно, не все у него ровно: есть открытия, а есть рядовые, «проходные», если можно так сказать. И важно, что песня не заслонила собою иных интересующих композитора жанров музыкального творчества. Но именно она — песня — с наибольшей полнотой раскрывает действенность его жизненной позиции, публицистический пафос работы музыканта-патриота.

МИНСК.
Фото корреспондентов
АПН Ю. Иванова
и Ю. Сомова.